

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ И ОБЗОРЫ

Н. В. Шлыгина

ФИНСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ О КРЕСТЬЯНСКОМ БЫТЕ В ЭПОХУ КАПИТАЛИЗМА

В 1960-х годах финские этнографы начали изучение современного быта своего народа, как городского, так и сельского населения. При этом «современность» хронологически понималась ими широко — с 1870-х годов, т. е. с начала индустриализации страны и развития капитализма в сельском хозяйстве вплоть до наших дней.

Предлагая настоящий обзор работ о финском крестьянстве, напомним, что за последние 100 лет оно коренным образом изменилось. Прежде всего крестьяне перестали составлять основную часть финского этноса. Так, если в конце прошлого века 85% населения Финляндии жило за счет сельского хозяйства и лесных промыслов, то в 1980 г. этот показатель снизился до 12,5%, причем только 4,5% занято непосредственно в сельском хозяйстве¹. За это же время произошла перестройка сельского хозяйства: полунатуральные формы сменились капиталистическими, что, естественно, повлекло за собой изменения во всех сферах крестьянского быта². Анализ этих процессов ставил перед финскими этнографами ряд сложных проблем.

За последние 10—15 лет по этим вопросам появилось немало публикаций — от небольших статей по частным вопросам до общих очерков трансформации сельского быта и крупных монографий, в том числе коллективных, написанных в результате больших комплексных исследований. В настоящем обзоре мы остановимся только на трех из них, в которых, на наш взгляд, наиболее широко рассматриваются основные стороны развития крестьянского хозяйства и быта за последние 100 лет.

Прежде всего это работа Вейкко Анттила, названная им «Из крестьян в товаропроизводители» (1974), — первое крупное исследование в этой области. Оно посвящено в основном процессу перехода крестьянского хозяйства на капиталистический путь развития, т. е. изменению форм ведения хозяйства, внедрению нового инвентаря и т. д. Автор отмечает, что новый, фабричный инвентарь в отличие от старых орудий труда с их локальными различиями был однотипен³. Хотя процесс перестройки хозяйства и имел общезакономерную специфику, но наряду с этим в разных частях страны существовали и местные особенности. Они определялись как социально-экономическими факторами, так и географическим положением страны (между 60 и 70° сев. широты), в которой успешное развитие сельского хозяйства было возможно лишь до определенных широт. Общей для страны особенностью развития товарно-денежного сельского хозяйства был переход от традиционного зернового хозяйства к животноводству. Финское зерно не могло выдержать конкуренции на внешнем рынке, особенно после отмены таможенных барьеров в 1864 г., когда европейский рынок был заполнен дешевым американским зерном. Для сбыта молочно-животноводческой продукции, в первую очередь сливочного масла, Финляндия имела неплохие возможности как в рамках Российской Империи (преимущественно в Петербург), так и за рубежом (в Англию) (с. 33—35).

Для развития животноводства необходимо было расширение кормовой базы, увеличение посевных площадей под овес и культурные травы (клевер, люцерну, тимофеевку), т. е. переход к многопольному севообороту. Посевные травы вели к задержанию почв, что в свою очередь требовало более совершенных пахотных орудий; интенсификация сельского хозяйства была невозможна без применения и другой новой техники — косилок, жнеек, молотилок и т. д.

В. Анттила проводит анализ того, в каких именно социально-экономических условиях происходит перестройка крестьянских хозяйств, какими путями проникают новшества в крестьянскую экономику, как осваивает крестьянин новые хозяйственные навыки, как крестьянское общество адаптирует их.

Немалое внимание уделяет автор и тем факторам, которые тормозили развитие товарного хозяйства в стране. Один из них — сохранившиеся во многих местностях пережитки общинного землепользования, в частности чересполосица, сковывавшая инициативу тех, кто стремился перейти к новым формам полеводства (с. 64). Существенным было еще одно обстоятельство: в конце прошлого века основная масса крестьян-дворохозяев (76,6%) имела пахотные наделы менее 10 га. Кроме того, значительную прослойку среди крестьян (43%) составляли мелкие арендаторы-торпари, у которых пахотные участки были в среднем 3,9 га. После аграрной реформы 1920-х годов, проведенной буржуазным правительством Финляндии, торпари стали собственниками ранее арендуемых участков, что привело к появлению свыше 126 тыс. новых карликовых хозяйств (с. 31—33)⁵. Именно преобладание в Финляндии мелкого землевладения В. Анттила справедливо считает одной из причин медленного развития капитализма в сельском хозяйстве (с. 64—65).

Для определения темпов перестройки крестьянских хозяйств различной экономической мощности и в разных частях страны В. Анттила пользуется таким индикатором, как отвальный плуг⁶. Его наличие свидетельствовало о том, что хозяйство перешло к травосеянию и животноводству. Естественно, фабричные плуги первоначально имелись лишь в поместьях (с. 79), а крестьяне пользовались орудиями, изготовленными по фабричным образцам местными кузнецами. Наибольшее распространение получил так называемый северный плуг, у которого железный лемех и отвал крепились на деревянном корпусе с одной рукоятью. Позже его вытеснил «шотландский плуг» (изобретенный Дж. Смоллетом еще в XVIII в.) — цельнометаллический с двумя рукоятями. В Финляндии его изготовляли с середины XIX в. в мастерских фирмы «Фискарс» и при сельскохозяйственной школе в Мустииала. Но для крестьян он был дорог: в 1860 г. он стоил 85 марок, в то время как северный плуг — всего 15,3 марки (с. 83).

Проведенный В. Анттила анализ материалов, собранных с помощью вопросников, данных посмертных описей крестьянских хозяйств за 1880—1909 гг. и сельскохозяйственных переписей (1910 и 1930 гг.), показал, что в 1880-х годах отвальный плуг имел широкое распространение у всех социальных слоев крестьян лишь в Юго-Западной Финляндии (в 70% хозяйств). Восточнее же, в Южной Хямэ и Южной Карьяла, отвальный плуг имели только зажиточные крестьяне, но уже в 1890-х годах он появился и у бедных дворохозяев. В северных районах страны в конце прошлого века отвальный плуг был только у 50% богатых крестьян.

В начале XX в. фабричные плуги начинают вытеснять кустарные. В первую очередь их приобретают состоятельные дворохозяева. В юго-западных частях страны в начале XX в. фабричные плуги имели уже от 50 до 75% всех хозяйств (с. 24—25, 82—85). Вслед за фабричным плугом появляются металлические бороны (преимущественно типа «гусиной лапы»), конные грабли, а затем и машины: рядовые сеялки, косилки, жнейки, молотилки. Их распространение также идет быстрее в южных районах и прежде всего у богатых крестьян (с. 87—136).

Состоятельность двора определяла, разумеется, возможность приобретения новой техники (с. 15), но она была не единственным фактором, действовавшим в сложном процессе перестройки хозяйства. Необходима была и моральная готовность крестьянина к этим переменам, в чем определенную роль играло и его образование, и агротехнические знания. Отличные от тех, что он получал ранее от старшего поколения (43). Финские крестьяне в основной своей массе были грамотными. Но, как известно, в Финляндии до середины XIX в. во всех сферах государственной деятельности, экономики, образования и культуры господствовал шведский язык (с. 61). На финском языке издавались только церковная литература и календари с набором элементарных советов по хозяйству.

Однако в конце прошлого века в этой области происходят существенные сдвиги. С 1866 г. создается — хотя и медленно — сеть начальных школ с финским языком обучения как в городах, так и в сельской местности, появляются газеты и литература на финском языке, в том числе сельскохозяйственная, даже бесплатная (с. 52—54, 57—59), что расширяет возможности крестьян получить определенные сельскохозяйственные знания. В это время в сельскохозяйственной школе в Мустииала появляются ученики из крестьян (ранее обучение в ней велось на шведском языке и готовила она профессиональных агрономов и управляющих для поместных хозяйств; с. 45). Еще важнее была организация во всех губерниях страны различных училищ, школ и курсов с кратким сроком обучения, ориентированных на преподавание сельскохозяйственных дисциплин крестьянам. Характерно, что среди учащихся были дети как богатых крестьян, так и торпарей — последние рассчитывали благодаря приобретенным знаниям на определенное продвижение по социальной лестнице (с. 40—46). Активную роль в распространении специальных знаний и новшеств играло в это время «Финское экономическое общество» («Suomen talousseura» основано в 1797 г.), служившее ранее лишь интересам привилегированных слоев населения. Теперь и в нем получил равное право финский язык. Губернские филиалы общества регулярно устраивали сельскохозяйственные выставки, обучали крестьян работе с новой техникой, давали машины во временное пользование, бесплатно снабжали желающих семенами культурных трав (44—50, 54—56, 67), издавали сельскохозяйственную литературу, причем на финском языке. Действовали и другие местные общества, например в Илмайоки (1803), и, главное, общество Пеллерво (1899). В 1906 г. членами таких обществ состояло 14 тыс. чел. (с. 60). Различные фирмы, поставляющие сельскохозяйственную технику, широко пользовались в это время услугами странствующих торговцев, предлагавших машины крестьянам на местах.

Несмотря на наличие каналов, позволявших осваивать новые агротехнические навыки и технику, процесс внедрения новшеств в крестьянских хозяйствах шел достаточно медленно и трудно. Переход к правильному многополью требовал определенных агротехнических знаний, помощи землемеров и агрономов. Рядовой крестьянин мог только приглядываться к тому, что делалось в име-

ниях и богатых дворах. Поэтому крестьяне обычно сохраняли на основном поле привычное трехполье, а травы сеяли на вновь раскорчеванных или осушенных участках в порядке опыта (с. 69). Существовали и прямые противники новшеств, которые утверждали, что после культурных трав поле ничего не родит, косилка так низко режет стебли, что отава после этого не растет, и т. д. (с. 69, 189, 194).

Особое внимание в работе В. Анттила уделено развитию разных коопераций и товариществ, появившихся одновременно с товарными формами хозяйства (с. 46—60, 141—165). Различного рода простые кооперации, связанные с коллективными формами рыбного лова, общедеревенскими и трудоемкими работами, требующими большого числа рабочих рук, были характерны для крестьянского общества и в прошлом (с. 46—60, 64—66, 67). На новом этапе товарищества и кооперации возникают, во-первых, в связи с приобретением на паях дорогостоящей техники, особенно молотилок, которыми дворы пользовались поочередно (с. 149). Большую роль в создании различных кооперативных объединений на новой основе сыграло общество «Пеллерво». Как правило, крестьяне основывали товарищества по приобретению инвентаря без официального оформления (с. 141), на паях, причем размеры пая были пропорциональны земельным угодьям. Наряду с обществами, покупавшими лишь одну дорогую молотилку, были и такие, которые приобретали богатый набор инвентаря — сеялки, канавокопатели, жатки и др. Характерно, что наряду с обычными «групповыми» и родственными объединениями некоторые имели социальный характер — так, например, торпари объединялись особо (с. 151, 162, 165).

Развитие молочного хозяйства привело к созданию молочно-сливных пунктов — «мейерей», которые первоначально были также кооперативными. Кооперативно велась и мелиорация земель. В. Анттила, анализируя крестьянские кооперации того времени, выделяет три формы: простую, полукапиталистическую и капиталистическую (с. 151—156). В качестве примера полукапиталистического объединения В. Анттила приводит такие кооперации по осушению земель, где работы велись силами участников, но полученные новые площади шли на продажу (или продавалось сено с этих участков). Таким образом, члены объединения получали денежную выручку. Как чисто капиталистическую форму определяет он такие кооперации, где осушение земель велось с помощью наемной рабочей силы, а затем земля продавалась. Полукапиталистические кооперации были характерны для конца прошлого века, соответствуя уровню развития товарно-денежных форм хозяйства (с. 158—160).

Неравномерность развития товарно-денежного хозяйства в разных частях страны определялась, как весьма убедительно показано в работе, совокупностью многих факторов, начиная с различия природно-климатических условий, в частности, на юге и севере страны. Автор неоднократно подчеркивает, что, несмотря на то, что личные качества людей, их отношение к новшествам могли в отдельных случаях иметь значение, в общем ходе развития капитализма в деревне определяющую роль играла не психология, а социальная структура общества, неодинаковая на западе и востоке страны. Различия в формах земледелия на западе и востоке страны имели также немалое значение: на востоке дольше сохранялось подсечное земледелие, определявшее малые размеры пахотных участков и рассеянные формы поселения. Это наряду с некоторыми социальными факторами вело к отставанию социально-экономического развития этих районов. Так, в частности, крупные крестьянские хозяйства концентрировались на юго-западе, здесь же были распространены поместные владения, которые служили определенными проводниками хозяйственных новшеств в сельском хозяйстве (с. 66—67, 71). Западные районы имели больше контактов с другими европейскими странами, раньше вступившими на капиталистический путь развития. Характерной чертой в развитии сельского хозяйства в Похьянмаа было, в частности, то обстоятельство, что отсюда в конце прошлого века шел сильный поток эмигрантов в Америку. Основная масса их возвращалась затем домой, освоив на американских фермах работу на сельскохозяйственных машинах (с. 188).

Исследование Анттила может рассматриваться как основополагающая работа в этнографическом изучении новых форм крестьянского хозяйства Финляндии, хотя, разумеется, автор не мог углубляться в детализацию и характеристику узколокальных вариантов развития крестьянского капиталистического хозяйства, отражающих все сложности этой перестройки. Такое изучение материала на микроуровне было проведено коллективом Туркуского университета, и начинателем этого обследования был тот же В. Анттила, работавший в 1960-е годы в Институте этнографии этого университета. Исследования велись под руководством профессора истории П. Томмила, в группу исследователей входили географы, социологи, фольклористы, этнографы и религиоведы. В итоге было проведено комплексное обследование четырех деревень и опубликовано 23 работы по разным вопросам и дисциплинам (в том числе четыре этнографические), а затем вышла обобщающая работа под редакцией П. Томмила и И. Хеерва — «Меняющаяся деревня»⁷. Первая ее часть озаглавлена «Деревня» и содержит описание каждой из четырех деревень, где проводилось обследование: это Кеттели (автор — В. Лааксо), Хюмяки (О. Лехтипуру), Мерикарвья (И. Хеерва) и Вуохиярви (М. Аукиа). В каждом обзоре рассматриваются географическое положение деревни, природные условия, поселение и население, развитие хозяйственных занятий с 1870 по 1970 г., характерные черты местного сельского общества и т. д. Вторая часть называется «Деревенское общество» и состоит из разделов, обобщающих данные по всем деревням: «Исторические предпосылки развития деревенского общества» (У. Хейно), «Деревня и окружающая среда» (Х. Андерсен), «Деревня как бытовая среда» (Т. Лейму), «Социальная стабильность сельского общества» (К. Ханкла) и «Культурная интеграция деревенских обществ» (В. Анттила).

Все четыре деревни лежат в пределах южной зоны страны, которую Анттила в своем исследовании выделил как передовую в развитии товарного хозяйства. Две деревни расположены

на побережье Ботнического залива: Кеттели на юге, между городами Раума и Уусикаупunki, на территории исторической провинции Варсинайс-Суоми, Мерикарвиа — севернее г. Порн, в провинции Сатакунта. Третья деревня — Хюэмяки лежит в центре страны, в Южной Хямэ, четвертая — Вуохиярви — в Саво, на востоке упомянутой южной зоны; последние две деревни лежат на берегах озер.

Деревни сильно отличаются по своим размерам, и численность населения в них менялась за исследуемый период. В самой большой из них — Мерикарвиа в конце прошлого века жила 1 тыс. человек, в 1940 г. — 2,5 тыс., в 1970 — 1,5 тыс. человек. Кеттели — небольшое поселение, как и 100 лет назад, в нем живет сейчас 100 человек, а в 1940 г. было около 150 человек. Хюэмяки — крупная деревня с 300 жителями, но в 1930-х годах здесь жило 427 человек. В Вуохиярви по сравнению с прошлым веком население выросло в 14 раз (с 50 до 700 человек), что связано с постройкой здесь в 1934 г. фанерной фабрики.

Определенные различия в хозяйстве деревень, обусловленные природными условиями, ощутимы были и в прошлом веке. Приморское положение Кеттели и Мерикарвиа способствовало развитию в них многоотраслевого хозяйства. С одной стороны, здесь ограничены возможности земледелия, так как почвы каменистые, с выходом на поверхность скальных пород — в Кеттели, в частности, 38% деревенских земель непригодно для культивации. С другой стороны, рыболовство и мореходство давали хороший дополнительный доход, особенно с конца прошлого века, когда рыболовство стало интенсифицироваться за счет его технического переоснащения и переноса лова в открытое море. В это время в Кеттели и Мерикарвиа формируются группы профессиональных рыбаков (преимущественно из деревенской бедноты), развивается рыбозасолочный промысел, строятся рыбопитильни, бондарные мастерские, которые готовят тару для соленой салаки. Однако с 1950-х годов уловы сокращаются, происходит падение роли самого рыболовства и сопутствующих занятий — деревянная тара сменяется пластиковой, засолка рыбы утрачивает свое значение, ее сменяет замораживание. С 1920-х годов потеряло значение и местное парусное мореходство.

В настоящее время Кеттели представляет собой сельскохозяйственную деревню. Однако местные условия не позволили развить здесь «классическое» для Финляндии молочно-животноводческое направление, и крестьяне начали производить продукцию для городских рынков, преимущественно клубнику и кур (с. 24—34, 253—254).

Сельское хозяйство сохранилось и в Мерикарвиа, в нем занято около 20% местного населения, причем основные направления — зерновое хозяйство и молочно-мясное животноводство, служащие удовлетворению местных нужд. В Мерикарвиа не утратила своего значения и местная гавань, где занята определенная часть рабочих; кроме того, действует ряд мастерских: например, столярные, изготавливающие дверные и оконные рамы, мебель. Есть конторы, ведущие электропроводные и водопроводно-канализационные работы. В целом в промышленно-строительной сфере здесь занято почти 30% населения. Но в первую очередь Мерикарвиа развивается в наши дни как административный центр волости. Здесь расположены муниципальное и налоговое управление, отделения банков и почта, медицинский центр, аптека, средняя школа, магазины. В сфере обслуживания занят 21% населения, 13% — в торговле и на транспорте (с. 78—94, 254—255).

Чисто сельскохозяйственной деревней с типичным для страны молочно-животноводческим уклоном осталась Хюэмяки, расположенная в районе благоприятных почвенно-климатических условий: 2/3 ее населения заняты в сельском хозяйстве, часть людей работает вне пределов деревни. Несмотря на то, что товарные формы сельского хозяйства получили здесь высокое развитие, нельзя говорить о стабильной экономической ситуации в наши дни: расцвет хозяйства приходится на 1950-е годы, после чего неустойчивость общей конъюнктуры в сельском хозяйстве Финляндии начинает ощущаться и здесь: кризисы перепроизводства сельскохозяйственной продукции ведут к сокращению поголовья скота, сужению ассортимента возделываемых культур, а также к оттоку молодежи из деревни (с. 53—65, 255—256).

В развитии деревни Вуохиярви решающую роль сыграло то, что она расположена на озерах, через которые шел сплав древесины из северных районов на юг страны; позже к водным путям прибавилась и железная дорога. Наличие местных запасов березы, необходимой для выработки фанеры, было также одной из причин постройки здесь в 1934 г. фанерной фабрики Калсо и превращения деревни в типичный сельский фабричный поселок. В настоящее время 4/5 населения работает на фабрике (с. 94—119).

Таким образом, обследование конкретных деревень в районе интенсивного развития товарно-денежного хозяйства показало, что на практике было немало отклонений от основной линии развития крестьянской экономики за последние 100 лет, и в результате только две из четырех деревень — Хюэмяки и Кеттели — сохранили сельскохозяйственные занятия как основу своего существования. Интересно отметить, что при изучении данных о времени и каналах проникновения в деревню новых агрикультурных навыков, техники и всего хода интенсификации сельского хозяйства на предлагаемом в «Меняющейся деревне» микроуровне выясняется немало любопытных деталей. Например, здесь не оправдалось в целом безусловно верное положение о том, что поместья и пастораты служили проводниками новшеств в сельском хозяйстве. Пасторат в Кеттели был беден и отнюдь не обогатил крестьян в нововведениях. Владельцы же имения в Хюэмяки были людьми консервативными, активно выступавшими против каких-либо новшеств как в хозяйстве, так и в общественной жизни (например, против молодежных и спортивных обществ и т. п. — с. 267). В Кеттели проводником всяческих новшеств был один из дворохозяев, переселившийся сюда из центральных районов страны: в его дворе новая техника появлялась в среднем на 10 лет раньше, чем у других жителей деревни (с. 261). При этом для Кеттели характерна покупка новой техники в индивидуальном порядке (исключая купленную на паях молотилку), в Мерикарвиа же почти все машины

покупали коллективно. В Хюэмяки совместное приобретение техники было характерно для дворов победнее, организовавших в 1927 г. «Союз мелких земледельцев», который имел богатый ассортимент инвентаря, в последнее время даже соковарки и опрыскиватели (с. 58, 265).

Еще более существенно, пожалуй, наблюдение исследователей о том, что прямой связи между сохранностью старых коллективных общинных традиций и развитием различных товариществ и кооперативов установить нельзя. Так, например, именно в Кеттели, где новая техника приобреталась индивидуально, устойчиво сохранялись традиции общинного пользования выгонами, расположенными на ближайших островках и в лесу (хотя сам лес находился в подворном владении), а также в пользовании рыболовными тонями. Причины устойчивости этих остатков общинных традиций исследователи — несомненно, справедливо — видят как в том, что они сохраняли хозяйственную целесообразность и в новых условиях, так и в определенной консервативности местного общества, состоявшего в Кеттели на 3/4 из старожилов, имевших большой авторитет при решении подобных вопросов. Именно такая приверженность традициям, без сомнения, была причиной и упоминавшейся уже сохранности чересполосицы в Хюэмяки, где эта форма землепользования находилась уже в явном противоречии с развитием полеводства и сельского хозяйства в целом.

Исследователи рассматривали также общественную жизнь деревни. Заслуживает внимания роль в развитии внешней и внутренней интеграции различных профессиональных и общественных объединений и союзов, кооперативных и акционерных обществ, их деятельность по приобщению крестьян к новым формам ведения хозяйства и новой технике. Так, реальным проводником новшеств в Хюэмяки стало «Общество мелких земледельцев», созданное в 1927 г. Благодаря этому экономически слабые хозяйства сумели еще до 1950-х годов достичь механизации труда, что, несомненно, способствовало прогрессу сельского хозяйства в деревне в то время. Особенностью развития местных объединений в Мерикарвиа и Кеттели в конце XIX — начале XX в. было то, что здесь большую роль играли объединения рыбаков, чем крестьян. Это было связано с расцветом рыболовства и его техническим переоснащением (с. 24—32, 82—83, 89, 262—264). Кроме того, в Мерикарвиа и Вуохиярви возникают объединения рабочих — Союзы трудящихся, которые в отличие от сельскохозяйственных коопераций и рыболовецких обществ были принципиально новым явлением, связанным с развитием в стране рабочего движения. Так, в Мерикарвиа «Союз трудящихся» возник в 1905 г. и уже на следующий год волился в Социал-демократическую партию (с. 268). В 1905 г. в Мерикарвиа возникают и профессиональные объединения, в частности рабочих гавани (оно играло важную роль в распределении и организации портовых работ — с. 268—269). Возникновение организаций, основанных на социально-классовой принадлежности ее членов, свидетельствовало о том, что в Мерикарвиа социальная структура уже приняла формы, соответствующие капиталистическому обществу. После гражданской войны разделение населения здесь на рабочих и мелкую буржуазию стало еще более четким (с. 220).

В Вуохиярви, где рабочий класс формировался в 1930-х годах, объединения рабочих возникают значительно позже, тем более что текучесть состава рабочих в первые годы действия фабрики замедляла этот процесс. Характерно, что впервые рабочие фабрики Калсо приняли участие в забастовке лишь в 1950 г. (с. 269). При этом следует отметить, что население Вуохиярви достаточно четко социально дифференцировано, что отражается даже в самой системе расселения: соответственно материальным возможностям люди живут в собственных домах, которые расположены в одной части города, в собственных квартирах, в наемных квартирах и т. д. При опросе все информаторы четко определили наличие в обществе слоя «больших господ», «сливок общества» и четко придерживались точки зрения, что «деньги делают господ» (с. 100—105, 121—123).

Социальные грани между верхушкой общества и низшим его слоем здесь резкие, высший слой служащих и профессионально обученные рабочие достаточно обеспечены и представляют собой постоянное население поселка, в то время как необученные рабочие составляют текучую часть кадров (с. 290).

В Кеттели и в наши дни общество оказывается наиболее гомогенным, в общении населения всех социальных слоев крестьянства нет барьеров, наибольшим влиянием пользуются старожилы, что, разумеется, подкрепляется тем обстоятельством, что они в основном владельцы более крупных и состоятельных дворов (с. 288—289).

Следует сказать, что проблемы современного повседневного быта и формы местной культуры в изучавшихся четырех деревнях оставались на заднем плане. Программа, выполнявшаяся сравнительно небольшим коллективом и в довольно сжатые сроки, не могла, разумеется, быть всеобъемлющей. Но насколько выразительным может быть материал по современному общественному быту и культуре деревни, очень хорошо показывает работа «Три деревни», подготовленная в Высшей школе Йозенсу⁸. Тематически эта работа, несомненно, дополняет рассмотренные выше. Авторы ее ставят перед собой две основные задачи: во-первых, показать современное состояние финской деревни и привлечь к этому вопросу внимание правительства; во-вторых, более детально рассмотреть современную культуру финской деревни. Уже в предисловии и в первой главе «Как живет деревня?» исследователи поднимают вопрос о том, что концентрация промышленности в крупных центрах и сопутствующие этому явления ведут к запустению деревень и спаду в них культурно-образовательного уровня, так же как и к снижению обслуживания в них населения в целом. В связи с этим одна из выбранных для изучения финских деревень расположена за пределами страны — на побережье океана в Финмарке (в Норвегии, где уже проводится политика «децентрализации» экономики и культурно-образовательных учреждений). Различия в хозяйственных занятиях населения и в его социальной структуре коротко освещены во второй главе работы — «Хойлола, Паллойки и Пюкейя» (названия деревень). Не очень удачны в ней, на наш взгляд, названия раз-

делов «Карельская деревня», «Урбанизирующаяся деревня», «Рыбачья деревня» (с. 5). Они непоставимы, так как и рыбачья деревня может быть урбанизированной, а название «Карельская деревня» определяет лишь ее географическое положение в провинции Карьяла. Основная проблема экономики деревни Хойлола заключается в том, что старые формы многоотраслевого хозяйства здесь исчезли, а новые, которые обеспечили бы жизнь ее обитателей, не сложились. Дворы здесь невелики (2—4 га пашни), земледелием прожить невозможно, для развития животноводства не хватает пастбищ, а теперь уже и рабочих рук. Раньше положение спасали приработки на лесозаготовках, но теперь промышленные разработки леса ведутся с помощью современной техники и штата приезжих квалифицированных рабочих. Экономика деревни находится, таким образом, в кризисном состоянии, с 1950-х годов здесь идет отлив населения. Сейчас в деревне осталось около 200 жителей, но почти отсутствует младшее трудоспособное поколение, мало детей, начальная школа продолжает действовать лишь благодаря тому, что в нее привозят детей из соседних деревень. Средняя школа находится за 20 км, медицинский центр — за 40; в 1976 г. закрылась библиотека (действует разъездная автобиблиотека). Ближайшие кино и ресторан — за 40 км, театр, выставочные залы — за 70 км (с. 41—44).

Совсем другое положение во второй деревне — Палойоки, расположенной примерно в 30 км от Хельсинки. Здесь довольно плодородные почвы и существует группа узкоспециализированных крупных хозяйств (20—40 га), которые сеют зерновые, в первую очередь пшеницу, а животноводством как отраслью, требующей постоянного и большого труда, не занимаются. При этом некоторые дворы берут землю в аренду у соседей, другие объединяются на паях. Высокий уровень механизации позволяет проводить как сев, так и уборку урожая за одну-две недели. Остальное время эти дворохозяйства работают в другой области — на транспортировке гравия из местных карьеров, в механических мастерских, на автозаправочных станциях и т. п. Владельцы мелких дворов перешли в основном на работу по найму, что благодаря близости промышленных центров — Хельсинки, Хювинкя, Керава — произошло без особых сложностей. В Палойоки живет сейчас около 650 человек. Здесь работает начальная школа, в 5 км от деревни (в Нурмиярви) есть средняя школа, медицинский пункт, ресторан, церковь. Палойоки вполне «жизнеспособная» деревня, сильно урбанизированная, и значительная часть ее населения занята трудом вне самой деревни (с. 44—47).

Третья деревня, Пюкейя, как уже упоминалось, расположена на берегу Ледовитого океана и была почти изолирована от внешнего мира; только с 1960 г. к ней проведена шоссейная дорога, сейчас есть и аэродром. Финны поселились здесь в конце прошлого века (1893 г.), основав рыболовецкое поселение. Сейчас здесь живет более 400 человек. Свыше половины из них — взрослое население. В 1960 г. здесь в ходе осуществления политики экономической децентрализации построены рыбный завод и морозильная установка, после чего отток населения из деревни прекратился и некоторые из эмигрантов даже вернулись обратно. Сейчас в деревне работает начальная школа, есть медицинская сестра, регулярно приезжает врач, работает почта, три магазина (с. 48—53).

Следует сказать, что экономика трех деревень охарактеризована в книге очень сжато; основное, на чем сосредоточились исследователи, — это общественный быт современной деревни, проведение досуга и нормы общения, проблема «идентности» (сознание принадлежности к местному обществу), а также судьбы финской деревни в целом.

На наш взгляд, одна из исследовательниц — Катрина Петрисало — совершенно справедливо поднимает вопрос о том, что критерии оценки культуры сельского населения в наши дни не всегда правильны и необоснованно субъективны. Стало обычным, пишет она, называть ту культуру, которая не соответствует нашим собственным представлениям и нормам, «бедной» или даже «антикультурой», что относится в значительной мере к современной сельской культуре. Это связано и с тем, что современная массовая технологизированная и урбанизированная культура настолько потеснила традиционную, что при исследованиях замеряются лишь «потребление» этой массовой культуры и «уровень обслуживания», а собственная местная культура вообще не принимается во внимание (с. 54). Авторы «Трех деревень» подошли к исследованию иначе: что такое местная культура, насколько она удовлетворяет население, дает ли ему возможность саморазвития, ведет ли к взаимным контактам? Наряду с этим было рассмотрено, насколько деревенские жители пользуются профессиональной культурой, т. е. посещают профессиональные театры, выставки, концерты, кино. Выяснилось, что профессиональная культура в сущности не вызывает интереса у сельских жителей, причем это относится не только к Хойлола и Пюкейя, отдаленным от культурных центров, но и к Палойоки, откуда многие ездят ежедневно в город. Наряду с этим сельские жители активно пользуются библиотеками и выписывают в среднем довольно много журналов и газет, что, кстати, стоит недорого (с. 58).

Во всех трех деревнях хотя и в разной мере, но достаточно широко распространены организованные формы досуга. Это общества клубного типа, кружки. Так, в Хойлола имеются объединения при церкви — одно при православной, другое при лютеранской, хотя при этом конфессиональная принадлежность не играет роли: многие женщины ходят в оба кружка. Кроме того, домохозяйки посещают различные домоводческие курсы, которые время от времени проводятся по инициативе женского общества «Марты», имеющего отделения по всей стране. Если в Хойлола при совместном проведении досуга не отмечается каких-либо общественных барьеров, то в Палойоки они есть: к объединению «Марты» принадлежат женщины из дворов с малым достатком, к «Обществу сельских и домашних хозяек» — из богатых (с. 62). Характерно наличие еще одного барьера: в местных женских кружках участвуют только коренные жители Палойоки, недавние поселенцы не входят в эти объединения (с. 64, 65). В Пюкейя меньше клубных кружков, но женщины регулярно встречаются поочередно в разных домах. Следует сказать, что и здесь

новопоселенцы плохо «прививаются» в женских кружках (с. 63). При встречах женщины обычно занимаются рукоделием, хозяйка дома угощает всех кофе, беседуют о местных событиях и делах, это можно рассматривать как остатки формы общественного контроля в малом обществе (с. 64). Следует сказать, что кружки имеют небольшие доходы: свое рукоделие — вязание, вышивки, ткань они распродают на рождественских базарах. В Нурмиярви систематически проводятся дни памяти одного из крупнейших финских писателей Алексиса Киви у его родного дома с театрализованными представлениями его произведений в театре на открытом воздухе (на горе Таабори). На этих праздниках местные хозяйки, включая и жительниц Палойоки, торгуют разной едой — в эти дни бывает большой наплыв туристов. Полученные деньги женские общества тратят на экскурсии, организацию спортивных площадок и т. п. В целом можно считать, что организованное активное проведение свободного времени более развито в Хойлола и Пюкейа (характерно соответственно для 66 и 61% населения). Жители этих деревень также часто ходят на прогулки в лес для сбора ягод и грибов и просто для отдыха. Для Палойоки более характерно пассивное проведение досуга — почти 80% жителей проводят его в семейном кругу, у радио и телевизора (с. 67, 74). Контакты с соседями здесь значительно слабее, чем в Хойлола и Пюкейа. Работа рассматривается многими — судя по опросам — только как средство обеспечить себя и семью жизненными благами, но не имеет собственной ценности, нет и контактов с коллегами по работе во вне рабочее время (с. 70—71). Принадлежность к местному обществу, «чувство идентичности», выше всего в Пюкейа — оно охватывает 78% населения, в Хойлола — 61%, а в Палойоки — 29%. Стоит, пожалуй упомянуть, что степень идентичности не зависит прямым образом от уровня материального благосостояния населения, который примерно одинаков в Палойоки и Пюкейа, в то время как процент идентичности сходен в Пюкейа и Хойлола, где материальный уровень, несомненно, различен. Можно полагать, что определенным образом на устойчивость местного самосознания влияет сохранность традиционных хозяйственных занятий. Исследователи подразделили их на три группы: традиционные, или «этнические», «новоэтнические», т. е. такие, которые возникли в результате технического развития традиционных форм хозяйства (например, рыболовство — рыбоперерабатывающие предприятия в Пюкейа), и «новые». В «этнических» и «новоэтнических» отраслях хозяйства в Хойлола и Пюкейа занято 2/3 жителей (в Хойлола 54 и 11%, в Пюкейа 31 и 38%), а в Палойоки — лишь 43% (с. 96—97). Здесь существует прямая зависимость от доли людей, причисляющих себя к местному обществу. Характерно также и то обстоятельство, что во всех трех деревнях абсолютное большинство населения высказалось за то, чтобы продолжать жить в деревне (от 84 до 92% — с. 102). Однако удовлетворенность своей работой дает иные цифры: в Пюкейа и Палойоки довольны своей работой 70% населения, в Хойлола — лишь 40%. Это, несомненно, связано с тем, что население видит бесперспективность занятия сельским хозяйством в данных условиях (с. 131, 182 — табл. 9).

Разумеется, нет возможности остановиться на всех вопросах, которые поднимают авторы «Трех деревень», как экономических, так и культурных. Важно в первую очередь то, что они ставят вопрос о необходимости изучать современное сельское общество, процессы, происходящие в финской деревне, включая и современные формы общественной жизни и культуры. Еще в 1980 г. В Анттила на симпозиуме общества «Этнос» довольно резко говорил о необходимости изучать быт современного крестьянства. «Защита лопарей-колтов — экзотическое и политически безопасное дело, но, вероятно, можно было бы подумать о том, что и у той группы общества, которая относится к основному населению страны, есть право на внимание научных дисциплин, изучающих жизнь человека»¹⁰. Работа «Три деревни», без сомнения, посвящена этим насущным вопросам и стремится привлечь внимание общественности и государства к положению финского крестьянина.

Примечания.

¹ Talve Y. Suomalainen kansatiede // Sanajalka. 1963. № 5. S. 128—129; Anttila V. Talonpojasta tuottajaksi. Suomen maatalouden uudenaikastuminen 1800—luvun loppulta ja 1900—luvun alkupuolella. Rauma, 1974. S. 11, 36, 60; Finland in Figures, 1983. Central Statistical Office of Finland, 1983. P. 7.

² Anttila V. Op. cit. S. 11—13.

³ Ibid. S. 11, 14.

⁴ География Финляндии. М., 1982. С. 163—207; Anttila V. Op. cit. S. 27—28. Далее ссылки на эту работу будут даваться в тексте с указанием страниц.

⁵ См. также Talve Y. Suomen kansan kulttuuri // Suomalainen Kirjallisuuden Seuran toimetuksia. № 355. Helsinki, 1980. S. 305.

⁶ Следом за новым типом плуга распространились и новые типы борон («гусиные лапы»), косилки, конные грабли и молотилки.

⁷ Muuttuva kylä. Turun yliopiston kylätutkimusryhmän loppuraportti / Tommila P., Heerva I. // Suomalainen Kirjallisuuden Seura. Tietolipas 84. Vaasa, 1980. Список публикаций этой группы см. там же, с. 292—293. (Далее ссылки на эту работу даются в тексте).

⁸ Kolme kylää. Kertomus erään kulttuuri tutkimuksen taustasta, työstä ja tuloksista / Kirkinen H. Keuruu, 1984 (далее ссылки на эту работу даются в тексте).

⁹ В среднем в Финляндии регулярно читают одну газету 12% крестьян, две — 45, три — 30, четыре — 10% и пять, шесть газет — 3% [62]. В Хойлола многие выписывают по три газеты и по несколько журналов.

¹⁰ Anttila V. Maatalouden muuttuminen // Ethnos-toimite. № 3. Helsinki, 1981. S. 18.